ИМЕНА ПАЛАЧЕЙ ИЗВЕСТНЫ. ИХ ЖЕРТВЫ ЗАБЫТЫ ВСЕМИ

НАБАТ ПАМЯТИ

На этом кладбище случайно сохранился один-единственный крест. Почерневший от времени. Из двух кусков наскоро оструганного дерева. На скорую руку сколоченный. Стоит он над разрытой неведомо кем могилой. Впрочем, что стоило ее разрыть? Яма глубиной с полметра, по сторонам две плахи — вот и все.

Кто поставил этот крест — неведомо. И кто был похоронен, тоже неизвестно. Кладбище появилось давно, в пятидесятые годы, когда Экибастузе процветало детище сталинщины — Особлаг или Степлаг — по разному его называли. Суть не в названии. В лагере отбывали наказание осужденные по 58-й статье — «За измену Родине». Пять или более тысяч человек в среднем ежегодно. Десятки, а может быть сотни не выдержавших жесткого режима навсегда остались здесь, близ озера Туз. Сколько в точности — неизвестно. Кто знает эту горькую статистику, тот молчит. Чаще всего ссылаются на то, что касающиеся лагеря документы уничтожены или неизвестно где находятся.

Впрочем, палачам редко удается полностью замести следы. И все документы не так просто уничтожить.

После долгих и настойчивых хлопот Розе Антоновне Назаровой удалось получить официальное уведомление о судьбе отца, Антонаса Русгаса. Содержался он сначала в лагере под Карагандой, затем был переведен в экибастузский лагерь. Здесь и закончил свои дни. Причина смерти неизвестна, как и место захоронения. Приехавшая поклониться праху отца, Роза Антоновна могла выбрать одну из многих разрытых или уцелевших могилок — в любой из них могли находится кости отца. Она выбрала могилу с крестом. Антонас Русгас был истово верующим человеком. Нкведисты взяли его в 50-м году, погиб в 52-м. Под крест высыпала дочь привезенную из Литвы землю, на этом месте оплакала его.

Рядом с Розой Антоновной стояли ее земляки, приехавшие вместе с ней — члены делегации союза политзаключенных Литвы. Среди них несколько бывших узников концлагерей Гулага, располагавшихся близ Караганды и Джезказгана. Чтобы предупредить всяческие кривотолки, сразу скажу, что все эти люди проходили по 58-й статье, числились изменниками Родины. Давно реабилитированы, судимость с них снята за отсутствием состава преступления.

Иозеф Якинявичюс сидел в Долинке и Спасске. Был осужден на десять лет, отбыл девять.

— Судимость с меня сняли, но «клеймо изменника» тянулось многие годы, — вспоминает Иозеф. — На физико-математический факультет университета меня так и не приняли.

Альгердас Каманаускас много лет провел в Кенгирском концлагере. Игнас Лукша девять лет отсидел в лагерях Мордовии, Караганды, Красноярска. После смерти Сталина вышел на свободу, однако жить в Литве ему запрещали еще годы. Судимость снята.

Мария Римкене провела в карагандинских лагерях с 1948 по 1956 год. Вместе с певицей Руслановой, врачами-ленинградцами, многими другими известными людьми. Тяжело было слушать ее воспоминания о царивших в лагерях порядках. Изабеле Навараскене взяли в 1946 году, она училась в педагогической семинарии. С клеймом врага народа много лет провела в лагерях. Реабилитирована. Изабеле показала мандат депутата горсовета — она человек известный, уважаемый.

Делегация побывала в Карагандинской области, в страшных местах бывшего Карлага. В Экибастузе, над могилами безвестных зеков, литовцы помолились, пели родные песни, зажгли поминальные свечи. В память о погибших земляках. Со смотровой площадки увидели разрез «Богатырь» и были — об этом они сами говорили — потрясены увиденным.

Газеты известного толка, передачи телевидения и радио создают весьма определенное представление о настроениях литовцев. Литва — одна из «горячих точек» нашей страны. Общаясь с гостями, мы не обошли некоторые политические вопросы. Скажу откровенно, что я увидел далеко не тех людей, какими они рисуются нам отсюда. Литовцы — и старые, и молодые — не скрывали: они полны решимости бороться за сохранение самобытной культуры своего народа, его языка, они против многолетнего диктата. Они хотят на деле чувствовать себя свободными.

Но я не почувствовал, чтобы эти люди чересчур спешили обособиться. Я говорил с бывшими политзаключенными, довольно молодым еще ксендзом, с директором государственного музея Литвы Генрихом Пауласкасом и другими. Они слушали рассказ о природных богатствах Казахстана и спрашивали — не только нас, но и самих себя: почему столь богатая страна живет так бедно?

Живо интересовались процессами культурного возрождения в Казахстане — языка его народа и культуры — и я убедился, что сходные процессы происходят и в Литве. Да, у них как и у нас, есть люди крайних взглядов, есть откровенные националисты. Но не они выражают настроение обоих народов.

Вернусь все же к кладбищу у озера Туз. Здесь, как знают экибастузцы, два кладбища — старое мусульманское и новое — узников нашего концлагеря. Признаюсь, что мне, как человеку, было страшно стыдно за тот вид, который представляют оба кладбища. Пятачок земли, на котором они расположены, загажен строительным мусором, металлоломом. Глинобитные ограды казахских могил разваливаются, а заговские — загажены, зарыты... Как-то не по-людски все это. Года два назад исполком принял решение благоустроить места захоронений — оба кладбища, выделил на это деньги, но ничего не сделано. Молчат активисты общества «Казак тили», не дошли до кладбища руки у Славянского культурного центра.

Мы много говорим об утрате совести, почтения младших к старшим, безверии молодых, нашем всеобщем бескультурье. Может быть, возрождение совести и начинается с того, что люди чтят прах ушедших, что проблемы сиюминутные не заслоняют в них духовное? Пора сегодня трудная, но во все времена живые помнили о мертвых. Не будет этого — можно и одичать.

И последнее, что хотелось бы сказать в этом репортаже. Когда делегация литовцев уезжала, разговор шел о том, что нельзя допустить возрождения старой тоталитарной системы — системы концлагерей, духовного и физического подавления людей. Мы были согласны и в том, что нельзя возводить стену между народами. Слишком много мы пережили вместе, слишком многое нас объединяет. Верю, что это были искренние слова.

П. ОНОПРИЕНКО.

Чьи кости в этой разрытой и заброшенной могиле? Картосхема лагерей Гулага.